

В тот же день объединенные футбольные команда университета и юниорская команда университета тренировались вместе. Это был прохладный, пасмурный день, и я чувствовал, что могу бежать всегда. Мы тренировали действительно скучные тренировки пассива, мы разбились по три человека; мы делали три на два оборонительные тренировки; мы делали четыре на два атакующие тренировки. Мы бегали кругами по полю три раза, один раз во время разминки, один раз перед нашим перерывом на воду, и как последнее упражнение. Тренеры называли его "разминкой", но мы все равно потели. Играв большую часть лета в двух командах, я быстро устал от тренировок и проверок навыков, и мне не терпелось сыграть в саму игру. Примерно половина команды университета и несколько парней из команды юниорской команды, были того же мнения, также играв большую часть лета, но тренеры собирались делать то, что собирались делать тренеры, и никакое вмешательство со стороны игроков, особенно младших, не собиралось менять их мнение.

С нашей точки зрения, некоторые игроки в команде так долго играли вместе, что знали, чего ожидать в игровой ситуации. Но тренеры, не наблюдавшие за нами в течение последних нескольких лет, начинали с нуля. Они должны были оценить каждого игрока в соответствии с его позицией, его навыками и слабостями, а также его товарищами по команде. Изучение было для больше для них, чем для нас. Тем не менее, было значительное количество парней, с которыми я не был знаком, в случае их игры в футбол. К тому времени, когда мы сыграем нашу первую игру, до которой оставалось более чем неделя, я знал, что у меня будет хорошее представление о сильных и слабых сторонах большинства игроков обеих команд.

Во время наших круговых пробежек мы, как правило, бегали с нашими одноклассниками или бывшими товарищами по команде. Junior (ПП: не пойму, к чему тут младшие (или юниоры), поэтому оставляю так) и старшеклассники, как правило, игнорировали нас, собираясь вместе, как будто для защиты. Во время тренировок, однако, Слип убедился, что я был партнером с ним большую часть времени. Он продолжал комментировать оборонительные маневры, когда мы тренировались. Это был его последний год в качестве игрока средней школы, и он очень щедро делился своим временем и опытом со мной. Я знал большинство других парней, по крайней мере, по имени, но после того, как практика закончилась, Слип подвёл меня почти ко всем старшеклассникам и познакомил меня с ними. Глаза Эрика едва не выпали, когда он увидел это, и он начал смеяться почти бесконтрольно. Я бросил на него взгляд, но он продолжал смеяться и делать тихие комментарии Хорхе и некоторым другим младшим.

В тот вечер я позвонил Молли и поговорил с ней около часа. Я рассказал ей о вечеринке в доме Слива, и она положила телефон, чтобы спросить своих родителей, может ли она пойти. Она вернулась к телефону, слегка затаив дыхание.

"Они сказали, что я могу пойти, но я должна оставить номер телефона им, на всякий случай", - сказала она.

"Здорово. Я получу его номер и дам его тебе завтра, хорошо?"

"Окей. Не могу поверить, что завтра последний день летних каникул, Шон. Я не готова

вернуться в школу".

"Я тоже не готов. Я мог бы жить на летних каникулах круглый год".

"Итак, если завтра наш последний день свободы, ты можешь прийти?"

"Я не знаю, Молли. Утром у меня выездная игра, а после обеда командная тренировка. К концу я буду полностью уничтожен".

"Слишком уничтожен, чтобы увидеть меня?" - она звучала разочарованно, и, может быть, немного сердито.

"Нет, нет, не слишком, чтобы увидеть тебя, но мне, вероятно, придется вернуться домой довольно рано. Что ты хотела сделать?"

"Я не знаю, может быть, пойти в кино или что-то? Или мы могли бы просто посмотреть телевизор с друзьями. Я просто не хочу, чтобы мой последний вечер перед школой был потрачен впустую".

"Я знаю, я согласен. Вот что. Я позвоню тебе, когда вернусь домой после тренировки, и мы что-нибудь придумаем, хорошо?"

"Хорошо, Шон. Спокойной ночи. Мечтай обо мне сегодня".

Хрипотца в ее голосе послала внезапные сигналы через мой кровоток, соединяя мое ухо с моим пробуждающимся петухом. Ее желание было помешать мне уснуть в ту ночь, по крайней мере, без снятия давления заранее.

-----

Следующее утро было прохладным и дождливым, один из тех нежных летних дождей, который сделает тебя мокрым, но не заставит желать укрыться. Наша команда расположилась в автомобилях и фургонах, управляемых нашими тремя тренерами, и мы проехали тридцать миль (48км) до нашей последней игры в сезоне. Я ехал в машине с мистером Рейесом, нашим главным тренером.

По пути, Эрик Джонсон продолжал накачивать меня деталями о том, почему Скип держал меня рядом с собой.

"Ну же, Эрик, я же тебе все рассказал. Если ты хочешь узнать больше, спроси Скипа сам".

"Нет шанса, что он даже заговорит с таким скромным скрабом, как я, - пожаловался он. - Почему ты, Портер? Ты помазанный преемник?"

"О, отдохни немного, хорошо? Я не знаю, мне все равно. Я просто хочу играть в игру, понимаешь?"

"Может быть, он не любит черных футболистов. Может, у него есть что-то для твоей тощей задницы. Может быть, он просто хочет подставить тебя для какой-то сложной шутки. Возможно..."

"Может, ты просто заткнешься, хорошо?"

Он дал мне большой театральный вздох и закатил глаза, как будто я комар, жужжащий вокруг его головы, а не наоборот. Я мысленно пожал плечами и уставился в окно, игнорируя всех остальных в машине.

Мы наконец добрались до поля примерно на полчаса раньше. Мы все вылезли из машин и выгрузили наше снаряжение. Мячи были розданы, и мы все настроились на разминку без тренеров, которым нужно было сказать нам, что делать. Другая игра проходила на поле, и была хорошая местная толпа, заполняющая около половины трибун по одну сторону поля. Несмотря на дождь, продолжались восторженные аплодисменты.

Так же, как другая игра закончилась, мы медленно пробежали по периметру поля один раз, а затем взяли более быстрый темп для еще одного круга. Затем мы вышли на поле и повернулись вокруг, чтобы дать пас игроку, который затем сделал удар по воротам, разогревая нашего вратаря.

Арбитр задул свисток, а стартовые составы вышли на поле. Мы проиграли монетку, но без солнца, без ветра, небольшой дождь, и практически без продольного наклона на поле, не было никакого реального преимущества, кроме психологического. Наши соперники, Stingers, выбрали первыми разыграть мяч. Таймеры начали работать, свисток раздался, и игра была начата.

Stingers повели мяч вперед, а затем сразу же передали мяч обратно в центр своему полузащитнику. Это основной маневр для старта, предназначенный для сохранения владения мячом (ключевая часть игры). Если тренеры противоположной команды и игроки понимают эту мудрость, они будут продолжать передавать мяч назад или поперек, удерживая мяч и ожидая возможности продвинуть его дальше по полю. Однако, если они выполняют это как упражнение просто потому, что знают, что должны передать его обратно, мы знали, как контратаковать.

Для нас сразу стало очевидным, что полузащитник Stingers не понял стратегии. Он принял мяч, ища немедленный проход дальше по полю на нашу территорию. Это была классическая ошибка, которую мы часто видели от ничего не подозревающих команд. У нас была стратегия, предназначенная только для этого типа игры; это стратегия, которая редко подводила нас.

Наши нападающие мчались к несчастному полузащитнику с мячом, эффективно отрезая любые проходящие вперёд траектории. В то же время наши полузащитники двигались по полю, переключаясь с нашими нападающих, блокируя любые возможные переходы к своим защитникам. Мы были уверены, что скоро у нас будет мяч. Мы, защитники, поднялись, чтобы накрыть других их полузащитников, оставив всех их нападающих бежать к нашим воротам без мяча и без перспектив. Если, по какой-то слабой случайности, пропуск смог пройти через нас к ним, все трое их нападающих были бы безнадежно в офсайде.

Их тренеры были в стороне кричали игрокам, чтобы те вернулись и перегруппировались, но было слишком поздно. Наши нападающие отобрали мяч и отдали пас Эрику Джонсону, который был на левой стороне. Он поймал принял мяч, обошёл защитника, и пробежал с мячом до пятнадцати метров перед воротами, и он без проблем пробил мимо вратаря. Все это произошло так быстро, что Stingers едва успели среагировать. Они были пойманы с пятью из своих игроков на нашей половине поля, в то время как восемь из нас атакуют их ворота. Не прошло и двадцати секунд после начала игры, как мы забили наш первый гол.

Однако они были хорошей командой, не склонной к панике. Вместо этого они разозлились. Они контролировали свой следующий розыгрыш и начали атаку, которая была цепкой, если не невообразимой. Они не сделали хорошего удара против нас, но, с другой стороны, они не отказались от мяча. Каждый раз, когда один из их игроков принимал мяч, они умудрялись передать мяч назад, иногда полностью возвращая его к своим защитникам, только чтобы начать еще одну атакующую последовательность.

Наконец, на десятиминутной отметке мяч перешел к полузащитнику на моей стороне. Мы были вроде как застигнуты врасплох, поэтому мой полузащитник отступил, чтобы защищаться, пока я двигался, чтобы встретиться с игроком, ведущим мяч. Я упал, скользя к мячу, но пропустил мяч и в итоге сбил ноги полузащитника из-под него. Я прыгнул, мокрый и грязный, только чтобы столкнуться с судьей, который набросился на меня, когда он шарил в кармане, прежде чем дуть в свисток и махать на меня желтой карточкой.

“Да ты издеваешься”, - сказал я. Арбитр нахмурился и потянулся за карманом, возможно, намереваясь вытащить красную карточку, которая заставила бы меня покинуть поле, и нашей команде пришлось бы играть в меньшинстве. Я поднял руки к нему и отступил, покачивая головой. Наши тренеры, в дальних краях, сходили с ума по поводу предполагаемого нарушения, в то время как на трибунах на ближней стороне родители и друзья Stingers выли, чтобы меня удалили из игры. Я отступил на требуемые десять метров, и рефери отодвинул меня еще дальше, прежде чем разрешить пробить штрафной удар. Полузащитник попытался доставить мяч своим нападающим, но небольшая задержка позволила нам расположиться, чтобы накрыть всех, и мы завладели мячом и побежали на другой конец поля.

Качели (ПП: такая ситуация в игре, когда толком ничего не происходит, лишь команды поочередно владеют мячом и пытаются что-то сделать, но безрезультатно) продолжались около двадцати пяти минут. Мы подобрали мяч и доставили его Эрику Джонсону с левой стороны, и он начал побежал по флангу с мячом. Земля была немного скользкой, поэтому он не чувствовал, что он может бежать, и защитник Stingers все равно держал его под хорошим углом. Защитник догнал его, опустил плечо и полностью выбил Эрика за пределы поля на его задницу, скользить и кататься по мокрой траве за боковой линией. Защитник взял мяч и переместил его обратно на поле, все время зная, что свисток, который мы полностью ожидали

из-за фола, никогда не настанет. Опять же, наши тренеры и игроки из запаса начали кричать и жаловаться судье, пока он не объявил тайм-аут, и мы побежали к нашей скамейке. Он остановился перед нашим главным тренером и вытащил свою желтую карточку и помахал ей в лицо, говоря ему о нарушении. Мы были ошеломлены, и Мистер Рейес выглядел так, как будто у него был инсульт. Но он держал рот на замке. Рефери возобновил игру, предоставив владение Stingers из-за нарушения, и игра продолжилась, становясь все более грубой и грязной, и менее организованной с течением времени.

К концу первого тайма было очевидно, что Stingers сосредоточились на Эрике, по-видимому, с намерением выкинуть его из игры. Они били его при каждом удобном случае, и по свистку в перерыве он был весь в синяках, грязи и задыхался. Один из наших помощников тренеров перешел к судье, когда тот стоял на боковой линии, разговаривая с одним из своих линейных судей, намереваясь подать жалобу на грубое и неоправданное обращение, с которым Эрик мирился, но безрезультатно. Он вернулся к нам на скамейку, с горечью покачивая головой, и дал нам знать, что происходит.

"Это родной город для судьи, и он даёт свистки в их пользу, мальчики, - сказал он. - Давайте надерем им задницы, а потом выбьем их из города. Мы не будем получать справедливые свистки в этой игре, так что не ищите помощи у кого-либо из судей. Просто играй в свою игру. Понятно?"

Мы все кивнули.

"Эрик, - сказал мистер Рейес, - ты хочешь отсидеться во втором тайме? Я знаю, что у тебя сегодня занятия в школе. Может тебе лучше просто отдохнуть".

"Нет, сэр, - дерзко сказал Эрик. - Я играю. Это последняя игра, и я не позволю им выгнать меня с гребаного поля. Сэр".

"Следи за своим языком, Эрик. Иди туда и играй жестко, если ты этого хочешь. Я отправлю тебя отдохнуть где-то на пятнадцатиминутной отметке".

Я посмотрел на Эрика. Он уставился на меня, в его глазах был решительный взгляд. Я кивнул ему, и он кивнул обратно. После последнего глотка из моей бутылки с водой, я встал, протянул руку Эрику, чтобы поднять его на ноги, и мы все отправились на поле еще до того, как судья свистнул в его свисток.

Вторая половина игры началась прямо там, где мы остановились, грубо и плохо, но мы знали больше о том, чего ожидать сейчас. В первый раз, когда Эрик коснулся мяча, их полузащитник подбежал, чтобы сбить его, но он не ожидал, что Эрик будет таким же быстрым, как и он. Он сделал аккуратный обход, и полузащитник выкатился за пределы поля, размахивая руками, пытаясь сохранить равновесие. Эрик проскользнул мимо атакующего защитника и побежал под углом к их воротам. Их владетель вышел, чтобы отрезать угол, вытянув руки и голову вверх, пока внезапно не прыгнул головой вперед Эрику в колени, намереваясь, по крайней мере, выбить его из игры и, возможно, нанести некоторый физический урон в процессе. Эрик

использовал внешнюю сторону правой ноги, чтобы аккуратно передать мяч в наш центр спереди, а затем он высоко прыгнул в воздух, позволяя вратарю скользить под ним. Он приземлился на ноги ловко, на сторону вратаря, и с удовольствием наблюдал, как наш нападающий прошел мимо последнего защитника и ударил мяч в заднюю часть сетки.

Этот гол, наконец, вывела ветер из их парусов. Мы закончили тем, что забили еще четыре гола, и Мистер Рейес, верный его слову, заменил Эрика примерно на восемнадцатиминутной отметке. Он позволил ему посидеть и восстановиться до конца игры. За последние пять минут Стингеры сумели забить дешевый гол с углового, когда мяч отклонился прямо к пораженному форварду Stingers. Он отскочил от его щитка и пронёсся в угол, когда наш вратарь тщетно нырнул за ним. К тому времени я сидел на скамейке рядом с Эриком, наблюдая за концом игры из-под полотенца, накинутого на мою голову.

В конце игры мы выстроились, чтобы поздравить другую команду, а тренеры все пожали друг другу руки. Г-н Рейес, наш главный тренер, обычно очень вежливый, добросовестный и несколько формальный человек, демонстративно ушел от рефери, не пожимая ему руку, жест, который я никогда раньше не видел от него. Возможно, это не беспокоило судью, так как он вообще не знал Мистера Рейеса или нашу команду, но я знаю, что мистер Рейес долго думал, прежде чем позволить себе это.

Мы остановились пообедать по дороге домой, и это оживило всех. Мы были промокшими и грязными, уставшими и взволнованными. Это был наш лучший момент как команды. Очень жаль, что это был последний момент в этой команде.

Мистер Рейес высадил нас с Эриком в школе для командной тренировки. Мы опаздывали, но для наших тренеров было очевидно, почему, так как мы все еще были в грязной форме. Мы едва прошли этот день практики, наконец, держа друг друга, когда мы спотыкались на нашем последнем круге вокруг поля в конце дня.

У меня было время, чтобы пообедать и принять длинный горячий душ, прежде чем сесть на мой велосипед, чтобы поехать к Молли. Дождь прекратился несколько часов назад, и небо было ясным, обещая впечатляющий закат. Хизер и Джош тоже были дома, так что мы вчетвером оказались в семейной комнате и посмотрели фильм о НВО. Хизер и Джош были на противоположных концах дивана, и мы с Молли сидели вместе на полу, прислонившись к дивану. Где-то посередине *Officer and a Gentleman* я впал в измученный сон. Мои друзья позволили мне спать до конца фильма, а затем разбудили меня достаточно, чтобы вытащить меня из двери. Я поехал домой и лег в кровать, даже не потрудившись снять одежду или почистить зубы.